

Посла
ветная
Музыка Бола
Валентин Богданов

Издательство «Круглый мир»

2025 ГОД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валентин Богданов

Поэма в стихах «Чужая Воля»

«Автор»

2026

Богданов В.

Поэма в стихах «Чужая Воля» / В. Богданов — «Автор», 2026

Путник бредет по пустыне. Жара стирает время — кажется, он идет вечность. Теряя рассудок, он молит Единого Творца передать письмо любимой, затем просит смерти. Он взывает к ночи, и она отвечает ему глубокой мудростью. Путник приходит к выводу, что окончательно лишился рассудка, но с наступлением утра продолжает путь в направлении дома. Осознав, что сбился с маршрута и не найдёт долгожданный спасительный оазис, он окончательно теряет надежду и умирает. Душа висит между небом и землей. Встретив Ангелов, он познает замысел Творца. Ангел Джабраил передает волю Всевышнего: на весах его жизненных деяний установилась ничья. Творец возвращает путника, сохраняя память. Странник осознает: он уже мусульманин, ибо покори́лся Его Воле. В назидание Всевышний велит помнить: каждое его деяние может стать решающим для его души, а сама жизнь может оборваться в любой момент. Отныне его ждут испытания и искушения. Но теперь есть ориентир — Ислам, и новая жизнь послужит прославлению веры.

© Богданов В., 2026

© Автор, 2026

Валентин Богданов Поэма в стихах «Чужая Воля»

Автор:

Брел путник по пустыне, скитаясь столько лет,
Сколько помнил он себя, рожденным на этот бранный свет.

Опрокинув взгляд назад, он пройденных следов не замечает,
Ведь их пустынный ветер своей невидимой рукой стирает.

А солнце подлю в спину обжигает, ее лучи
Как бешеные псы, сорвавшись с цепи,

Добычу жадно окружают,
И день за днем в пустыне той они
Песок и плоть нещадно расколют.
И в надрыве воли,
Молвит путник в пустоту,

Монолог путника:

(Хриплый, слабый голос, срывающийся на шёпот. Слова прерываются тяжёлым дыханием, в них слышится отчаяние и боль, как будто с каждым звуком уходят последние силы.)

Хоть вязок ум мой от недуга,
И не осталось сил, поверить даже в чудо.
Я, предвкушая близость своего конца,
Призываю к милости Творца[01].

Я знаю, в этом мире
Неизменно, лишь одно:

Что лишь тебе, подвластно естество.
Ты без спроса нас в него приводишь,
Затем, своё творение
В безмолвие, лукаво водишь.

А перед этим в книгу нашей жизни, вписываешь рок.
И, так же не спросив, с собой уводишь...

Призывав, через гонца в тобой указанный срок.

И каждое творение твое,
Ощущает через левое плечо,
Стертое дыхание его,
И знает, что каждый шаг
Нас смерть к тебе,

Проводником сопровождает.

Иных людей, от этой мысли,
И в знойный день бросает в дрожь,
Ведь, её касание ледяное, навеки
Тушит пламя – нашей жизни.

Ну что ж, Творец[01]...
Хоть замысел мне Твой,
Все еще неясен, раз властен
Ты, над каждой вещью и судьбой,

А зной дней мирских...
Мне стал невыносимей, пламя жизни.
То, взывая к мудрости Твоей, прошу:

Позволь окончить мне, сэй труд.
И тут же милостью своей, прерви
Моё мучение, окончив путь земной.

Автор:

Ещё один, окончен день.
Его сменяет вечер,
Он любезно, приглашает тень.
А прохладный ветер,
С собой приводит ночь,
Прогоняя, это пекло прочь!

Внутренний монолог путника, с прямым описанием действия:
(Голос стал твёрже, речь оживлённее, с проблеском надежды, несмотря на близкую смерть.)

Огнём разжигаю огонёк,
Им же поджигаю факел, его
Вонзаю остриём в песок.

Под ногами подвернулся уголёк,
Из кипы вынимаю, я листок.

И опускаю веки,
Выдох,
Вдох.

Я вопреки всему,
Ощуцаю лёгкости поток.

Выдох,
Вдох.

Одним мгновеньем живу,
Как долгожданный здесь, глоток
Я совершу.
Выдох,
Вдох.

Я поднимаю веки...

И в надежде сердце раскрываю,
Тут же в руки, рукопись беру
И вдохновение впускаю,
Что посреди пустыни,
Мою жажду утолит.

В этот миг... я сердцем музу призываю,
И вот... я слышу!
Как её мелодия звучит, играет.
Она вместе, с моим сердцем говорит,
Её душой я ощущаю.

Хоть, она изранена – болит,
Но разум, позволяет мне творить,
Ведь только так, себя живым я ощущаю.

Путник пишет:

(Голос тёплый и проникновенный, словно он вкладывает свою последнюю жизнь в письмо любимой, зная, что она, возможно, когда-нибудь его прочтёт.)

До глубокой ночи,
Я не могу уснуть,
Ибо, во что есть мочи!
Мой мятежный дух...
Затачивает! в смятенье ум,
Под тяжестью еще, вечерних дум.

В её покрове, отголоски эха изнутри.
Роняют слёзы, одиночества и тоски.
Благо, я... лишённый воли,
Ничьим, взором не стеснён.

Коль повержен был, измором.
В окружении полной тьмы,
В ней же немощь, свою скрою,
Не оставив пищи, для молвы.

От той:

Вечно праздной пересуды,
Павшей жертвой западни,

В терниях, чужой судьбы.

Пускай – они, любовь... роскошным кубком мнят.
Пускай – вкусивший правду скажет, что в ней горький яд.

Но вновь, его... испить я рад!
Покуда пламенем твоим, объят.

Да будет так! сгорая в нём,
Пускай – мой прах и дух,
На веки, в эти строки, будут затачен.

Но, волей чужой...
Тобой, в ночи прочтённый.
Я фениксом, воспряну вновь...
И словом... разожгу в тебе любовь.

Ну, а сейчас...
Я здесь,
Средь слов и чувств,
Окован паузой, твоих прелестных уст.

В ней... я вечностью томлённый,
Созерцаю мир – иной,
И... мой дух, блуждая удивлённый,
Не в силах больше, эту тайну сохранить.

Я здесь... будучи к тебе, сквозь
Время обращённый, всегда готов, её раскрыть.

Но, взамен прошу... оставь, обиды позади...
И, прервав своё молчание в ночи,
На миг, свою любовь освободи.

Узнай, что всё вокруг – сплошная ложь,
И мы, в упор – её не замечаем.

Ведь для смертного ума, жизнь
Как будто бы, окутана туманом,
В котором мы, шаг за шагом,
День за днём,
В порыве жадном,
Благо обрети желаем, в нём.

Но в мире, сотканном обманом,
Мы призываем к милости богов,
Во что бы то ни стало, заполучить – его.
И получив... мы тут же, глупостью своей
Миг, теряем всё! чем их и забавляем,

Ведь, наш удел таков.
А жизнь, лишь – калейдоскоп иллюзий, призрачный фантом,
В котором мы, шаг за шагом,
День за днём,
Во имя благ, калечим правду – на пути своём.

И вот надрывы в сердце,
И та боль в груди,
Теперь проходят красной нитью,
Через дни твои.

А время, как паук,
Плетет ветерено,
И, обходясь без слуг,
Сплетает – воедино,
Космическое полотно.

Все оказалось слишком просто,
Все есть – энергия, пространство, масса.
Рожденное из абсолютного ничто,
В мгновение одно...

Где время, лишь измерение всего,
И направление его,
Которое никто,
Не в силах развернуть.

Но, взгляни на небо ты, в ночи.
Что путь нам освещает в царстве тьмы?
Ни те ли звезды, что давно погасли[02],
И чей свет, казалось бы, напрасно
На границе – гребня, времени волны,
Рассекая сквозь пространство,
Квантом – движущей частицы,
Средь несущей пустоты.

Продолжает жить,
Все также страстно,
Раскрывая взор, средь тьмы.

Так и воспоминания... ему, подобны:

Они перемещают нас,
В дни минувшие, сквозь грёзы и мечты.

Из яви дней, что серостью полны.
В которых, безразличие толпы.
В нас же брызжет желчью...
И мы, не замечаем, как себя...

Теряем по пути.

Но, душа...
Нас призывает, лишь к гармонии идти.

Так пусть и для тебя,
Сейчас настанут, те редкие часы.

Ты просто сердцем, в свое прошлое
С улыбкой, загляни и вспомни!

Как мы с тобой, наедине
Блуждая... не раз, закаты
У причала провожали.

Как внимали[03] тот,
Раскрытый взору небосвод.

И, как был тогда,
Разукрашен алым цветом горизонт.

Вспомни те,
Чудесные аллеи,
И цветущие сады,
Что под вечерним променадом,
Наливались свежим ароматом,
От морской волны.

И, как прибой, об скалы ударяя,
Так беспечно, с влюблённостью играя

Тебя, словно призывал.
Меня, своим касанием робким одарить.

Теперь я знаю...
Оно, способно чудо сотворить!
И навеки, моё сердце ледяное растопить.

Отныне, я лишь твое воспоминание,
Что безмерно радо, тебе дорогу – осветить.

Ты же, как дитя – ангельское дарованье,
Что не ведая, своей власти над стихией.
С огнем играя, разжигает пламя,
Которое никто, не в силах погасить!

Теперь ты знаешь, что даже время,
Своей красотой, можешь покорить.

Узнай и то, что в этих строках,
Я добровольно остаюсь!
Чтобы на веки, – здесь
Твоим слугою, эту правду сохранить...

Внутренний монолог путника, с прямым описанием действия:

Вкладываю в рукопись листок,
В карман тут же убираю уголёк.
И мигом вынимая факел,
Вонзаю пламенем в песок.

Под шелест звёзд ночного неба
Усталый, расстилаю я бадлу[04],
Ложусь и накрываюсь.

И, от скуки, шуткой ради,
Решаюсь с ним заговорить.

Монолог путника:

Ночь...

Хоть ты скажи...

Смогу ли я дойти?
Идя по краю,

Иль напрасно тут,
Я ноги в кровь и до кости стираю!

Подобно восковой свечи,
В твоей тени сгораю.

Автор:

И Ночь
Ответила ему:

Монолог ночного неба, ночи:
(Голос глубокий и исполненный мудрости, звучит неторопливо, словно откровение.)

Кто не решается поджечь – свою, свечу.
Тот обречённо, проклинает
Окружающую тьму.

И н...с...

Монолог ночного неба, ночи:

(Голос глубокий и исполненный мудрости, звучит неторопливо, словно откровение.)

Кто не решается поджечь – свою, свечу.
Тот обречённо, проклинает
Окружающую тьму.

И слепо, на преграду натываясь...
Неизбежно душою падает ко дну.

Автор:

Ещё одна уходит ночь,
Её рассвет сменяет,
Он беспечно, прогоняет тень
А раскалённый ветер,

С собой приводит, новый – день.

Чем... прохладу изгоняет прочь,
Что сметным в праве, здесь... помочь.

Ведь тягость дней,
Изводит души и умы;

Хоть владык,
Хоть бедняков,
Коль все они – рабы,
Своих земных страстей.

Да, оковы ни у каждого видны,
Ведь роли разные, играем – мы.

Но после смерти,
Пустые или набитые карманы,
Для каждого... станут больше, нужны.

Внутренний монолог путника, с прямым описанием действия:
(Его шаги замедляются, тело наливается свинцом. Жара давит, небо дрожит, песок пре-
вращается в зыбкую трясину. Воздух сгущается, словно тянет его вниз.)

Наверно от жажды,
Я разум свой, утратил безвозвратно.

Сперва, изрядно насмехаясь над богами,
Взывая к милости Единого[05] Творца[01].

Затем, я голос ночи
Слышал, словно на яву...

Теперь же я толком глаз своих, так
И не сомкнув, отправлюсь в прежний путь.

Уже давно намечен, мой
Маршрут – он через дюны и барханы,
Под палящим солнцем, прилегает на восток.

Я направляюсь к дому своему,
Но, надежда час за часом – тает,
Что в срок... к оазису, успею я примкнуть.

Ведь силы!
Шаг за шагом покидают, а ветер
Лишь только, мощи – набирает!
Он под кúфию[06], с ухмылкой
Мне, шептает:

Монолог ветра:

(Вой. Его голос то шепчет, то вое, гонимый сквозь пески. Он скользит по барханам, цепляясь за каждую песчинку, теряясь и возрождаясь.)

О путник, что за взор?

Постой, остановись.

Приляг и перед смертью отдохни,

Ведь здесь, уже спасенье не найти.

Монолог путника:

(Хриплый голос вырывается из пересохшего горла – резкий, надрывный, разрывающий тишину. Это не мольба, не зов, а всплеск последних сил, отчаянный, как удар о камень. Звук дрожит, скачет в знойном воздухе, то приближаясь, то теряясь в бескрайней пустоте. Но пустыня безмолвна – она гасит его, не оставляя даже эха.)

О надменная стихия, что желает лишь...

Во мне посеять, безмерное унынье и печаль.

Пожми же бурю ярости во мне!!!

Ведь я, во чтобы то ни стало – передам,

Сие, посланье своё.

Автор:

Путник, пожимая рукопись в руках,

Теряя ясность, обращался в никуда.

Внутренний монолог путника, с прямым описанием действия:

(В ушах нарастает гул – тяжёлый, бесконечный, словно голос самой пустыни. Где-то – то вдалеке, то совсем рядом – звучит шёпот, тихий смех, едва различимый, ускользающий. Или это лишь игра раскалённого воздуха? Он осознаёт: разум помутился, граница между сном и явью исчезла. В этом жарком безмолвии единственная реальность – его шаги, глухо тонущие в песке.)

Поднимаясь на вершину,

Доступно взору стало то,

Что из низины, разглядеть

Мне было, не под силу.

Я вижу горизонт,

А перед ним,

Мираж резвясь танцует,

Он извиваясь на песке,

Как змея, невиданный узор рисует.

Вокруг... только пустота,

Безжизненного царства – Бадиа[07],

Горе мне, ибо я...
Пропустил Язи оазис[08]...
Спасительный источник на пути,
К руинам города Мари[09],
И от этой мысли.

Я обомлев, тут же был сражён...

Скатились слезы по щекам,
И жуткий страх в тиски,
Меня сковал...
Сжимал, не отпуская.

От чего... упал... я на колени,
И плача, прокричал...

О небо... покуда светочи людского рода,
Чернью втоптаны в тебе,
Покуда глупость правит, век за веком, на Землё...
Не ищи же правду, ты... во мне...

Загустела в жилах моя кровь,
Не в силах я подняться вновь,
Глаза, окутала мне пеленá,
Пустынно пепельная мгла,
Что безжалостно бросает в тишину,
На растерзание во тьму...
Ведь я...
В агонии лежу,
Блюю,
Уже едва дышу... и понимаю,
Что жалкий дух, свой испускаю.

Я умираю,
Последний вдох,
Последний выдох,
И с ним шёпотом вопрос...

Но все же, небо,
В чем был прок?

Как вдруг!
Разверзлась бездна подó мной,

И этот миг!
Промчалась жизнь...

Перед ликом мертвеца,
Ведь моя душа,

Навечно тело покидает,
Её невиданная сила,
В небо устремляет!

(Звук, тянется и дрожит, ускользя вверх, словно растворяясь в самом свете.)

И... волю чужой,
Я очутился между небом и Землёй.

(Звук, парящий между бытием и вечностью, – ни земной, ни подвластный разуму. Будто тысячи хрустальных колокольчиков вспыхивают разом, сливаясь в мелодию, которая рождается и угасает в одно мгновение.)

Тогда, воистину узрев
Передо мной явились, два
Ангела в пресных, одеяниях простых.

И строго обратились...

Монолог ангелов:

(Голоса, лишённые плоти и времени, звучат повсюду и нигде. Они холодны, бесстрастны, неподвластны человеческому разуму. Ни гнева, ни милосердия – лишь строгая, неизменная воля, отголоском которой дрожит сама тишина.)

О душа, стоящая на грани!

Взгляни же в бездну полной тьмы,
Своих злодеяний всех земных,

И взор не отводи...

Теперь, узри сиянье света,
Каждого свершения своего, благого...

Что видишь ты?

Автор:

И в этот миг – явился,
Великий ангел Джибриль.

Монолог ангела Джибриля:

(Голос, несущий в себе неизмеримую силу, звучит вне времени, вне границ. Он не громкий и не тихий, но каждое его слово – закон, вершина смысла, не терпящая искажений. В этом голосе нет страсти, нет сомнений – лишь чистая, совершенная власть, перед которой трепещет само творение.)

Сие судилище – по решению Всевышнего Творца!
Не может справедливым быть, покуда на весах его,
Всех жизненных деяний, во царила абсолютная – ничья.

Амир, слушай и запоминай,
Ты – бессмертная душа,
Жизнь, лишь испытанье для тебя!

В действительности дней людских,
Нет места страху...

Ведь он в бытует тех сердцах,
В которых не осталось места для Аллаха!

Отныне, как и прежде,
Ты принял очевидное...
И покорился Его воле.

Так в назидание услышь Его указ

Господь (Аллах, ﷻ):
(Голос, который невозможно постичь – ни услышать, ни представить. Он вне звука, вне времени, вне человеческого разума. Не грохот, не шёпот, но само существование, пронизывающее всё, скрытое и явное.)

Мой раб Амир,
Я желаю... тебя обратно, отправить в грешный мир,
И в порядке исключения... Я сохраню... воспоминанья твои,

Но помни истину простую:

Земная жизнь – всего лишь наслаждение обольщением,
Которую каждая душа, обязана с достоинством пройти.

В этот раз, она тебя – подвергнет,
Такому количеству различных испытаний,
Какое только может выпасть, на человеческую долю.

А жизнь, оборвётся в самый не подходящий,
Для судилища момент.

Так пусть Священное писанье станет,
Верным ориентиром, на твоём
Жизненном пути.

Автор:

Мобед Мехре Шари[10] – верховный маг, жрец и чарадей,
По имени Равдин Михри – империи Сасанидов[11], что омывают воды трёх морей.

Взывая к милости богов, в окружении полной свиты,
Возглавлял спасительный поход из – войска и вельмож,
Рабов – арабов пленных и слуг немногих верных.

В надежде, что слова свидетелей не ложь,
Караван, дрейфуя, среди барханов
По безжизненной пустыне Бадия[07],
Час за часом, день за днём блуждая,
По пескам безбрежным, не смыкая глаз – искал,
Господина своего – владыку, всех земель персидских.

Что не милостью судьбы,
Где-то здесь, поблизости пропал.
У подножья холма Тар-эс-Сараем, по пути
В не свершившемся дипломатическом визите.

Сперва, отправившись из Ктесифона – столицы царского двора,
Затем... идя на север, вдоль реки великой – Тигр
Средь кишлаков, по направлению к её истоку,
Но, увы, у руин Мари[09]...
Гордыней он, свернул с пути...
И направился к Пальмире, чтоб дорогу сократить
К великой Византии... и вовремя прибыть

На торжественную встречу, во дворце Антиохии на Оренте[12].
Где, гордо в ложе восседая, его ожидал великий государь – Ираклий I-й[13].

Но не дремлят дэвов[14] происки слепые,
Они питают только зло, ведь их сердца – иные.

Они тайно, в мысли проникая,
Овладевают нашими устами.

Они, через порочные желанья,
Искушают нашу плоть, людскую.

И мы, в наваждении пребывая,
Уже не замечаем,
Как своими же руками, оскверняем
Ахура Мазды[15], созидательную благодать.

Выбрав тьму,
В широкие ряды вступая,
Мы Ахримана[16] стойло пополняем,
Из заблудших душ, что Авесту[17] презирая,
Нарушают веру предков наших, сокрушая этот дивный мир.

Но падший забывает,
Что, хромые силы выбирая,
Сперва он зло в себя впускает.

Оно, как червь, бесцеремонно душу объедает,
Затем рассудок эйфорией усыпляет,
И, наконец...
Разлагает волю – разума венец,
Оставляя только, пустоту...

В ней,
Жертва, сердцем бездну ощущая,
Для других людей...

Обманом ловко, свои сети расставляет.
Уповая на... коварный мощи ход – им!
Она нас в неофиты – Ангра-Майнью[18],
Своей зловещею игрою завлекает,
В расчете, очередную ссуду получить.

Ведь её бессмертная душа, под бременем
Телесных наслаждений лишь – страдает,
Коль чужим горем и несчастьем,
Стремится свою боль затмить.

И лучше безучастных понимает,
Что Земля – арена битвы сил непримиримых,
Где выбор каждого, фатальное значение имеет,
На её исход.

Но в тайне злом,
Она себя бездумно, жадно наполняет,
Во имя радостных земных мгновений,
В одержимости, бесплодных устремлений...
Духовный голод утолить,

И раз за разом,
Свободный выбор совершая,
Пренебрегает скромной правдой,
Что своей же чашей,
Она любви Божественное море осушает,
Чем свое бессмертие даром и теряет.

Ведь в этот миг, она
Себя частью малой ощущает,
Великой силы! Цельной Тьмы!
Что сокрушает все! Вселенские миры!

Так и у подножия холма,
Здесь, в жерле Бадиа,
Персидского царя – Хосрова I-го,
Настиг недуг могучий.

Он – пустыни злобная стихия,
Что песчаным вихрем
Заслоняет небо,
И со свистом, ревом,
Страшным зверем,
Ударом! атакует землю,
Накрывая всё вокруг
Своим свирепым ветром,
Окружая знойной мглой,
Обращая все и вся

В пучину твердии[19] земной.

Этот натиск!
Эта сила, проявление
Потусторонней, воли темной,
Нет сомненья в ином!

Мобед Мехре Шари голос:
Ведь и сейчас,
Здесь пахнет серой,
Преисподней, абсолютным злом.

Автор:
(Звук мерного топота копыт и скрип тяжёлых вьюков.)

Оно... явилось к нам, в очередном
Обличье, – хаоса природных сил, но на самом деле,
Это лишь творенье Ангра-Майнью, что под не благосклонным роком,
Своей печатью внеземной, от нас сокрыл – стремительный удар по каравану.

С которым шел Шаханшах.
Он словно чудом,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.